ДНЕВНИК ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА К.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ
МОСКВА
1963

ДНЕВНИК

ЛЕЧИМ КОСМОНАВТА

6Т5.2
Д 54

Имена Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валерия Быковского и Валентины Терешковой известны теперь каждому жителю нашей планеты. Штурм космоса продолжается. Рядом с пятью «небесными братьями» и их «сестрой» готовятся встать новые герои. Об их напряженной работе, о высоком моральном облике, о душевной красоте рассказано в этой книге.

Литературная обработка М. Ф. РЕБРОВА

У нас еще в запасе
Четырнадцать минут...

Из песни

Декабрь 1962 г.

Видимость... Летчикам хорошо знакомо это слово. Оно издавна вошло в нашу жизнь, стало привычным. На аэродроме перед полетами говорят: «Видимость такая-то». И летчик уже знает, с чем он встретится там, в воздухе, какой покажется ему с высоты земля.

Но слово «видимость» можно толковать и шире. Как-то попалась мне старая газета за декабрь 1961 года. В ней было опубликовано интервью с конструкторами космических кораблей. Отвечая на вопрос, каковы основные направления советских исследований космического пространства на ближайшее будущее, они нарисовали увлекательную картину, раскрыли, так сказать, космическую видимость. И подобно метеорологам, дали прогноз исследованиям космоса.

Прошел год. Всего лишь один год. Но его по праву можно назвать космическим: два «Востока», двенадцать «Космосов» и один «Марс». Здорово! Есть о чем поразмышлять...

Когда-то космонавтику считали лишь направлением в науке. Так было раньше. Сегодня это не только область науки, но и практической деятельности человека. Деятельность! Космонавтика занимается проблемами полетов в ближнем и дальнем космическом пространстве, межпланетными и меж-

звездными сообщениями, созданием средств для осуществления этих полетов и сообщений. И все это имеет определенную цель — исследовать мировое пространство, изучить и освоить другие небесные тела.

Отсюда и вытекает понятие о нашей профессии. Наша профессия... Пока она, естественно, самая редкая на Земле. Пока... Конечно, сейчас о далеком будущем говорить трудно, но сегодня, чтобы стать космонавтом в широком понимании этого слова, а не «космическим извозчиком», приходится учиться, учиться много и упорно, каждый день подолгу заниматься в учебных классах и лабораториях, не забывая, конечно, о спортивных залах и специальных установках. Программа подготовки тех, кого называют Космонавтами-Пять, Шесть, Семь и т. д., уже не та, что была раньше. Она непрерывно расширяется. После полетов Ю. А. Гагарина, Г. С. Титова, А. Г. Николаева и П. Р. Поповича по их отчетам и рекомендациям в нее внесены коррективы и дополнения.

Наши ребята часто спорят: можно ли говорить о будущих космонавтах, как о профессионалах? Ведь сегодня пока только четверо совершили космические полеты...

Космонавт не только пилот, но и исследователь. Мне думается, что тот, кто рассуждает иначе, ошибается, хотя, конечно, все мы прежде всего готовимся к пилотированию космических кораблей, изучаем устройство их систем и оборудования, готовим себя ко всевозможным неожиданностям звездных рейсов.

Говоря о нашей профессии, нельзя забывать,

что она уже существует у нас в стране. Разве нельзя отнести к профессионалам космонавтики разносторонне развитых людей, решающих подчас сложнейшие научные и технические проблемы? Нам всем не раз приходилось встречаться с Главными конструкторами космических кораблей и двигателей, Теоретиком космонавтики, ведущими советскими учеными, инженерами, врачами...

Я навсегда запомнил беседы с этими людьми: их суждения отличаются глубиной, эрудицией, знанием дела. Характерно, что в нас — космонавтах, уже летавших в космос и еще только готовящихся к новым стартам, они видят своих первых помощников. А это ко многому обязывает.

В будущем космонавтам работы еще прибавится. Эта профессия так же беспредельна, как и сам космос.

*

Почему мы стремимся в космос? В авиацию нас привело неудержимое желание летать, штурмовать скорости и высоты пятого океана. Если ты летчик, то небо и полеты для тебя главное, если хотите, вся жизнь. Небо... Оно бесконечно, как будущее. На него нельзя смотреть, как на потолок планетария. Настоящий летчик все воспринимает гораздо глубже и тоньше.

А самолет... Теперь он пронизывает небо, словно артиллерийский снаряд. Крылья? Их нет. Маленький треугольник — вот и все. Огромнейшие высоты и скорости. Летчики знают небо от голубого до фиолетового. И как бы ни была сложна

техника, она послушно подчиняется человеку.

Все мы немножко романтики, влюбленные в летное дело и небо, стремящиеся увидеть в труде поэзию жизни, ее смысл. Вспоминаются слова генерального конструктора самолетов В. М. Мясищева.

«Мало любить небо. Надо, чтобы небо полюбило тебя. А оно любит людей смелых, знающих, трудолюбивых...» В этих словах — правда.

Поэтому-то и путь в большую авиацию тернист и долог. И каждый из нас может припомнить свои промахи и горькие неудачи. Но если ты по-настоящему любил небо, то не отступал перед трудностями, шагал напрямую, а если и падал, то поднимался и снова шагал. А не мог шагать сам, опирался на руку товарищей и всеми силами, всей волей стремился в небо!..

Те, кто собрались в нашей группе, пройдя через все преграды многочисленных отборочных комиссий, решили посвятить свою жизнь освоению космического пространства, стать «человеком, штурмующим черное небо». Нет, не ради простого любопытства. И, честное слово, ни у одного из моих друзей, я-то их хорошо знаю, даже в самых отдаленных уголках души не таится жажда легкой жизни, стремление к славе. Таких людей космос к себе не допускает.

Часто можно слышать вопрос: «Как стать космонавтом?» Главное, по-моему, с чего должны начинать мечтающие о космосе, — с умения трудиться. Именно труд «отливает» космические характеры. Нам всем очень понравилось выступление писателя А. Первенцева на совещании комсомоль-

ских работников, которое происходило еще в позапрошлом году. Он тогда верно заметил: «Из ресторана в космос не летают». Шестой океан под силу человеку привычному к труду, морально и физически закаленному. И не случайно Герман Титов перед своим двадцатипятичасовым полетом просто, без рисовки сказал:

— Готовлюсь работать.

И он действительно работал — самозабвенно, радостно, с полной отдачей сил. Его энергии, оптимизму, выносливости мог позавидовать любой «земной» труженик.

Каждый из нас мечтает о том, чтобы полеты в космос помогли людям быстрее и лучше решать земные дела, добиваться, чтобы еще прекраснее, еще краше была жизнь на нашей планете.

Космонавтика — это не сенсационный вид спорта и тем более не какая-то второстепенная отрасль. Космонавтика — будущее человечества. Космические рейсы уже вызвали к жизни новые науки, оказали свое воздействие на технический прогресс, обогатили нас новыми открытиями.

Пройдет какое-то время — и в космосе появятся постоянные астрофизические обсерватории, связные спутники-ретрансляторы радио- и телепередач, внеземные метеостанции, дающие прогнозы погоды в мировом масштабе, заправочные станции дальних межзвездных кораблей. В результате изучения и освоения космоса люди получат огромные энергетические ресурсы, ученые разгадают «тайны» образования планет солнечной системы и прежде всего нашей Земли. А сколько других реальных перспектив! Всего и не перечтешь!

В этой обширной программе огромная роль отводится космическим полетам человека. К ним-то мы и готовимся, приобретая профессию космонавта «широкого профиля».

1 января 1963 г.

Вступили в новый год... Программа подготовки обширна и разнообразна. Иногда все идет гладко, без сучка, без задоринки. А бывает... Бывает приходится приналечь, позаниматься покрепче, посидеть попозже над книгами и чертежами. Такой у нас неписаный закон — не отставай!

Работы чертовски много. Каждый день работа: учеба, тренировки на специальных стендах, парашютная подготовка, полеты в дневных и ночных условиях и многое другое. А потом зачеты, экзамены. Но когда появляются свободные минуты, люблю побродить по Москве, пойти в кино или театр, еще раз заглянуть в Третьяковку и постоять у любимых картин, или поспорить с ребятами о прочитанном, или просто поговорить и помечтать о том, что мы увидим... на Луне, на Марсе или Венере.

Это не пустые мечтания. Если судить по современным темпам развития науки и техники, то в ближайшем будущем возможны полеты на Луну и другие планеты.

Бывает в свободное время мы собираемся и для других целей: честно и откровенно, без обиняков, поговорить обо всем. Допустим, кто-то из нас совершил проступок, сделал что-то неправильно или начал, откровенно говоря, нос драть. Вот мы и решаем: нужно собраться. Это своего рода собрание,

но не всегда официальное. У нас это называется — просто собраться. И мы собираемся.

На этом собрании нет рангов. Здесь дружный коллектив коммунистов и комсомольцев. И если провинился в чем, настоящие друзья спуску не дадут. Гагарину так Гагарину, Титову так Титову, Поповичу так Поповичу, Николаеву так Николаеву — любому «закладывают», если заслужил. Без длинных речей, конкретно. Ведь это на пользу. Наука всем, и каждому в отдельности.

*

Славные подобрались у нас ребята. Вроде бы и похожи один на другого, и в то же время у каждого что-то свое, чего нельзя не заметить. Роднит всех одно — стремление стать пилотами космических кораблей. Эта мечта была у застенчивого и доброго Юрия Гагарина. Мне как-то сразу полюбилась и его удивительная улыбка, и ломкий молодой голос, и его упорство в труде и учебе.

Мечтал о полете к звездам и Герман Титов. Вот интересный парень! Он и чуткий к слову, умеющий мгновенно настраиваться на тон собеседника, и неугомонный весельчак, и верный товарищ. Но и он порой бывает так задумчив, сдержан, что даже кажется «сухарем». При всем том Герман всегда остается самим собой — добрым, простым, интеллигентным. Да, да, именно интеллигентным.

Мне нравится в нем и способность схватывать все на лету и удивительное упорство, с которым он тренирует свое тело.

Веселый и остроумный Паша может показаться

самым старшим — «стариком». Но эту солидность придает ему не внешность, а подполковничьи погоны. Как ни крути — старший офицер. Веселый, живой, он любит песню и пляс, крепкую шутку и риск. Последнее, очевидно, можно объяснить тем, что пришел он к нам из полка, где летают мастера высшего пилотажа на скоростных истребителях.

Среди нас есть и художник-любитель, его рисунками не раз восхищались ребята. Талант!

Многие — отличные парашютисты. Есть и математик, собранный, волевой, наш непременный помощник в точных технических науках. Перед его эрудицией преклоняемся мы все, ведь он инженер и летчик.

Скромницу Андрея все мы любим за честность, неподдельную смелость, благородство души. А его дублер, неугомонный с лукавством в глазах, внешне очень обманчив. Небольшого роста, хрупковат на вид, а ведь у себя в части он слыл одним из лучших воздушных бойцов. В зоне он не давал пощады даже опытным и бывалым летчикам, которые имели за плечами и опыт войны, и тысячи часов налета, и первый класс...

А другие? О всех не расскажешь. Да и чересчур подробно говорить сейчас, пожалуй, рановато. Но важно главное — ребята славные, настоящие ребята.

*

Наши ребята получают множество писем и телеграмм. Среди них есть и такие, в которых обра-

щаются не к кому-то одному: Гагарину, Титову, Николаеву или Поповичу, а ко всем сразу.

Евгений Александрович Иванов прислал стихи. Нам они понравились.

Нет, товарищи, дайте слово,
Пропустите меня в печать,
Я — от имени Ивановых
Обязательно должен сказать!

Скоро, может быть, даже завтра
Полетим мы уже к Луне,
А в растущей семье космонавтов
Ивановых все нет и нет!

Я не против других фамилий,
Я любую принять готов.
Только нашу так оттеснили...
Я про очередь пару слов.

В каждом деле, в каждой бригаде
Ивановых один, другой...
И они впереди, не сзади,
Будь то бой или труд, как бой.

Нет! Не все так, как кажется, просто:
Нас ведь столько в родной стране,
Вдруг, подумают: в битве за космос
Ивановы стоят в стороне!

Я от имени их взял слово,
И смысл просьбы моей таков:
«Пропустите вперед Иванова:
Он ведь тоже лететь готов!»

Есть еще, может, самый главный
В этой просьбе один мотив —
Нас враги называют «Иванами»,
Злобу в это слово вложив.

Пусть теперь они взглядами тусклыми,
Запрокинув затылки назад,

На Ивана советского, русского,
Как на господа-бога глядят!

Нет, товарищи, честное слово,
Пропустите его вперед...

Понять товарища Иванова нетрудно. Но я не могу с ним согласиться вот в чем: ведь Гагарин, Титов, Николаев, Попович — это те самые Ивановы, о которых он пишет. Дело не в фамилии, а в том, что за каждой из них — наш, советский.

2 января

Окончен первый день занятий в новом, 1963 году. За окном — ночная темь, в нашем доме — тишина. Люблю такие часы, когда можно посидеть в одиночестве, подумать о минувшем и будущем, записать страничку-другую в дневник.

Новогодье — это не только громкие тосты, елка для ребят и веселье через край. Новогодье — это и праздник, и большое раздумье. По крайней мере, у нас так повелось. Помню, встречали год 1961-й. Мы были на пороге полетов в космос, но даже Юрий не мог предполагать, что первый старт уже близок. А ведь вскоре после Юрия стартовал и Герман. Встречали год 1962-й, поздравляли их с Золотыми Звездами. Сейчас мы уже вступили в год 1963-й.

В последние дни уходящего года, ознаменованного первым в мире групповым полетом советских «Востоков», в которых летали Андриян и Павел, нам было что вспомнить.

Представители профессии космонавтов имеют-

ся уже на двух континентах нашей Земли, в двух государствах, представляющих противоположные социальные системы.

Нас зачастую спрашивают: как мы относимся к своим американским коллегам?

И действительно, как? Отношение самое обычное. Мы приветствуем их полеты, которые подтвердили советское открытие — человек в состоянии невесомости может жить и работать.

Нельзя, конечно, приуменьшать личные заслуги американских космонавтов. Выносливости и смелости у них не отнимешь. Они сделали многое, если учесть, что капсулы «Меркурий» далеки от совершенства.

Это признают и сами американские космонавты. Джон Гленн при встрече с Германом Титовым сказал, что русские сделали в области полета человека в космос значительно больше, чем он и его соотечественники, и что наши корабли более удобны, надежны и совершенны.

За несколько дней до конца декабря Герман принес перевод статьи из одного иностранного журнала.

— Нет, вы только послушайте, что они пишут, — сказал он и громко прочитал несколько фраз.

Эта статья вызвала оживленные споры. И было о чем.

Автор статьи высказал сомнение в целесообразности посылки человека на космическом корабле. А нам думается, что человек в космическом полете незаменим. Почему?

Да ведь полностью управляют полетом корабля и всей его бортовой и научной аппаратурой с Зем-

ли обычно тогда, когда в просторы Вселенной запускают искусственный спутник — космическую лабораторию. Однако приборы никогда человека полностью заменить не смогут.

Без участия человека в управлении кораблем, вероятно, много труднее будет совершить посадку, например, на Луне или Венере. Экипаж во время полета сможет рассчитать поправки к заданной программе, необходимые для точной посадки корабля, в соответствии с обстановкой принять решение и помочь автоматам в их работе. Одним словом, будущее за человеком, мастерски управляющим космическим кораблем.

То, что сделано в 1961 и 1962 годах,—лишь первые шаги на длинном и трудном пути к звездам. Предстоит еще многое, и нет сомнения, что это многое будет осуществлено нашими ребятами. «Ум человеческий, — дальновидно писал Владимир Ильич Ленин, — открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...»

Так оно и будет! От орбитальных полетов мы перейдем к полетам на другие планеты. Сколько загадок у нашей ближайшей соседки! Мы не в состоянии сейчас разглядеть на Луне детали, которые имеют в поперечнике менее полукилометра. Это и привело к возникновению противоречивых взглядов о природе лунного «пейзажа». Одни ученые считают, что наша естественная спутница вся в глубоких трещинах с вертикальными «стенами» и острыми краями, другие — что она покрыта веществом, напоминающим застывшую пену; говорят и о вулканическом пепле, пыли и многом другом.

На днях передали по радио, что известный советский ученый профессор Козырев открыл существование на Луне водорода, который выделяется из вулканических трещин. Следовательно, заполнилась еще одна графа в лунной анкете.

Древние легенды и мифы повествуют о лунных кратерах и их обитателях (!) интереснейшие истории. Прочитал о них в книге «Мироздание», изданной в 1903 году. Это, конечно, вымысел. Современные ученые высказывают ряд строго научных предположений. Однако полную картину с множеством деталей нарисуют космонавты, после того как побывают на Луне.

Нет, я не согласен с автором статьи: робот не заменит живого человека в кабине космического корабля.

16 января

Сегодня у нас праздник, своего рода маленький день космонавтики. В клубе состоялся торжественный вечер, посвященный очередной годовщине создания первого коллектива исследователей просторов Вселенной.

Вечер открылся торжественным собранием. Здесь и летчики-космонавты, и наши наставники — авиационные командиры, врачи, инженеры и гости. В почетный президиум избрали Никиту Сергеевича Хрущева. Это он назвал первых космонавтов «небесными братьями». Да, мы братья, нас сроднило высокое небо Родины, совместный труд на благо Отчизны, а воспитали — Коммунистическая партия и советский народ. Наше «небесное брат-

ство» будет все время расти, совершать новые, еще более сложные полеты...

Никиту Сергеевича мы все считаем нашим «небесным отцом». Мне на всю жизнь запомнилась первая встреча с Н. С. Хрущевым в Георгиевском зале Кремля 14 апреля 1961 года.

Беседа была оживленной. Никита Сергеевич заметил, что в наших возможностях летать еще дальше и выше теперь уже не сомневаются не только друзья Советской страны, но и явные недруги. Правда — она свое берет!

Потом он посмотрел на всех нас и просто, от всей души, пожелал:

— Хороших вам полетов, товарищи!

...О многом мы говорили на нашем юбилейном вечере. Интересным было выступление Юрия Гагарина. Он вспомнил, как создавался наш коллектив. Ведь совсем недавно мы съехались в «звездный городок» из различных авиационных частей, с разных концов страны. Все начиналось буквально на пустом месте. А теперь?! Построены учебные корпуса, оборудованы прекрасные лаборатории, стенды и тренажеры, а главное — совершены блестящие полеты в космос: одиночные и групповые, суточные и многосуточные.

Каждое утро, когда мы идем на работу, нельзя не любоваться красотой нашего городка. Стройные зеленые сосны с пушистыми вершинами, желто-розовый диск солнца, белые стволы березок, ровные заснеженные аллеи.

За работой умных и чутких приборов следят люди в белых халатах. Это не обязательно врачи — это лаборанты, инженеры, техники. Преподаватели

многих дисциплин тоже предпочитают эту простую и строгую форму.

Все наши ребята с большим уважением и любовью относятся к этим людям. Еще не пришло время называть их имена. Все они очень простые, добрые, вдумчивые, всегда кажутся спокойными, хотя порой это лишь умение скрыть свои чувства — тревогу или радость. У них разный цвет глаз, разные волосы, разные лица. У многих за плечами годы исследований, опытов. Но много у них и общего: самоотверженность, трудолюбие, мужество и страстность. Каждый из них выполняет свой долг человека и гражданина...

Мы на всю жизнь сохраним чувство глубокой благодарности к этим людям. И мы не имеем права не платить им любовью.

Это не только долг и обязанность. Это веление совести.

Скорей бы расширялся круг космических путешествий, ведь этим людям очень хочется продолжить исследования непосредственно в полете. Они, так же как и мы, мечтают о звездах.

Вот о чем рассказал Юрий Алексеевич, и я с ним согласен полностью.

На вечере Павел Попович поделился своими впечатлениями о поездке на Кубу, о встречах с национальным героем кубинского народа Фиделем Кастро.

Затем был концерт, в нем приняли участие студенты ГИТИСа. Концерт прошел с успехом, и мы благодарили его организатора — Германа Титова.

12 февраля

Наши каникулы (как, впрочем, и у всех студентов) окончились. Снова учеба: лекции, конспекты, чертежи... Дел уйма. Тут не запоешь: «Студент бывает весел от сессии до сессии...» Мы учимся. Как это мы делаем — пусть скажут другие, но старания у наших ребят не отнимешь.

Особенно трудно нашим летавшим. Юрию и Герману пришлось много поездить по разным странам. Бывало, мы сдаем экзамены, а они в заграничной поездке. Но требования одни — сдавать надо всем. Вот и приходится наверстывать упущенное. Ребята — народ тренированный, успешно справляются и с наземными «перегрузками».

...Вчера наблюдал такую картину: Андриян и его дублер в классе «осадили» доску. В комнате тихо.

Андриян решает задачу. Его напарник внимательно следит, заглядывая в конспект, проверяет формулу, сравнивает результат с ответом, который должен получиться. Потом они поменялись ролями. Мел в руках у дублера, и он сосредоточенно скрипит им, водя по доске...

Я старался быть незамеченным, мешать нельзя — таков наш закон. Но тут появился Герман.

— Братцы, помогите. Хитрый пример попался. Стал решать, вроде все легко получается. Наверно, тут какая-то каверза. Давайте вместе проверим.

К любой просьбе Андриян относится серьезно. И когда дело касается учебы, готов поделиться с товарищами всеми своими знаниями. Ему в свое

время тоже трудно было: не давался английский. Тогда на выручку пришли наши знатоки, и дело пошло. Дублер помогал нам постичь премудрости черчения. Да разве перечислишь все, когда ребята, не считаясь со своим временем, помогают друг другу в учебе. Таков закон товарищества.

Андриян вытер доску и сказал:

— Давай, Гера, рисуй свою каверзу.

Герман размашисто написал исходные данные, преобразовал их и через пару минут получил компактный ответ. Мы молча смотрели на черный квадрат доски, и никто не торопился с заключением. Все было как будто правильно, но смущала простота решения.

— Ну что, математики, — не выдержал Герман, — так или не так?

Андрюша почесал затылок и стал листать свой конспект. Дублер тоже не торопился с ответом. Тогда я предложил им позвать нашего инженера. Он щелкает такие примеры, как орехи.

— Нет, братцы, так не пойдет. Сначала давайте сами разберемся.

Перепробовали все варианты. Ответ получался тот же. Только после этого решили, что все правильно. Герман по этому случаю предложил «забить остренькую». Все побежали вниз.

Игру в бильярд у нас любят по традиции. Ведь нет, пожалуй, авиационной части, где бы не было бильярдного стола и где бы в часы отдыха, после полетов или просто в перерывы, не слышались резкие удары шаров и веселые взрывы смеха, когда очередной проигравший, сгибаясь, лезет под стол.

Сегодня мне не повезло: пришлось дважды лезть под стол. Ничего, будет и на нашей улице праздник.

14 февраля

Вечером морозило. Судя по тому, как ветерок обжигал лицо, а кончики ушей словно покалывало тоненькими иголками, морозец крепчал. Около двадцати наверняка. Но хоккейный матч состоялся.

В пылу игры не обходится и без «жертв». Синяки — лучшее доказательство нашего пристрастия к хоккею. На этот раз не повезло Герману: концом клюшки ему поцарапали щеку. Сначала он даже не обратил внимания на это. А когда уже были в раздевалке, кто-то из ребят шутливо заметил:

— Ну, братцы, теперь разговоров будет: Герман Титов болен, после полета у него появились ссадины на лице.

Герман схватился за щеку, все вокруг засмеялись.

— Чего смеетесь, не верите? Да сплетники это разнесут так же быстро, как версию о том, будто Андриян женился.

Раздевалка дрогнула от общего хохота. Смеялся и сам пострадавший. А что делать? Ведь немало гуляет по свету глупейших сплетен, и нам остается только смеяться над их авторами.

16 февраля

Недавно вернулся из поездки в Индонезию Андриян. Мы встретили его и допоздна просидели в его холостяцкой квартире. Молчун на этот раз

был очень разговорчивым и поведал много интересного о стране трех тысяч островов — «жемчужном ожерелье экватора».

Утром мы установили привезенные Андрияном подарки индонезийцев в нашем музее. Интересен и своеобразен этот музей.

На стенах и столах — картины и скульптуры, макеты и альбомы, шкатулки и книги, медали и сувениры, изделия из шелка и мрамора, золота и серебра, слоновой кости и дерева, гипса и кожи. Все это — подарки первым летчикам-космонавтам, присланные разными людьми, из разных уголков земли, из разных стран и городов.

«Около тридцати лет хранил я вырезки из газет о К. Э. Циолковском. А теперь решил подарить их Вам — человеку, который сумел претворить в жизнь мечту великого ученого...»

В письме — пожелтевшие от времени газетные вырезки, датированные сентябрем 1935 года. Они рассказывают о дирижабле Циолковского, о его твердой вере в осуществимость космических путешествий и заселения солнечных пространств. Эти вырезки долго и бережно, как ценная реликвия, как память о времени и человеке, хранились у Сергея Григорьевича Писаренко. Но вот совершилось то, о чем еще полвека назад мечтал учитель из Калуги, и Писаренко шлет свое письмо летчикам-космонавтам Гагарину и Титову.

Подарков много, и они продолжают поступать. Пионеры и школьники, студенты и рабочие, люди разных убеждений и взглядов шлют вместе с подарками частицу своего сердца. Поэты шлют стихи, прозаики — сборники рассказов и повестей,

композиторы — ноты песен. Африканские студенты из Кении, Каранджа Бонафаче и Мбуру Миано, прислали значок с изображением вождя своего народа, символизирующий мир и свободу.

Фигура литейщика от рабочих Англии, резные шкатулки из Болгарии, книги от французского издательства «Аез Эдетер Франс Реюни», барельефы из Венгрии, красочное шелковое панно от индийских умельцев, макеты корабля-спутника «Восток» от немецких школьников. А сколько других подарков из Италии и Дании, Румынии и Мали, Вьетнама и Индонезии, Австрии и Канады!

Рабочие Чехословацкого автомобильного завода прислали модель машины «Татра» и теплое письмо с пожеланием новых успехов в труде, учебе и покорении космоса. Коллектив орденоносного ленинградского завода имени С. М. Кирова подарил миниатюрный вездеход — маленькую копию тех машин, которые прокладывают пути в ледовых пустынях Арктики. Французские самолетостроители — макет «Каравеллы», а польские летчики — бронзовую фигурку Икара.

Школьник из Италии сфотографировал экземпляры газет «Унита», «Ла Стампа» и другие, посвященные беспримерным полетам наших ребят. А неизвестный из далекой страны Мали подарил нарисованный на пальмовом листе портрет Космонавта-Два.

У нас хранятся золотые медали французских, итальянских, австрийских городов, специально отлитые в честь первого и второго советских космонавтов, ордена многих иностранных государств, присланные их кавалерами тем, кто впервые в ис-

тории распахнул ворота Вселенной. Есть и ключи от столиц, которые вручили Юрию и Герману.

В нашем музее много подарков. Подарки разные, но все они сделаны от всего сердца, в них — любовь людей Земли к первым советским героям космоса, их восхищение замечательным подвигом советского народа.

20 февраля

Летали в Н... на парашютные прыжки. Возглавлял бригаду Герман. Он у нас стал подполковником. После прыжков многим надо менять подвески на нагрудных значках. Теперь у каждого «за душой» несколько десятков прыжков.

Сейчас вспоминается наше первое знакомство с инструктором. Его короткая лекция о значении парашютного спорта, откровенно говоря, не произвела на нас должного впечатления, а главное — не вызвала никакого восторга. Количество прыжков, которые мы совершили, будучи еще в строевых частях, было довольно скромным. К частым прыжкам мы не привыкли, да и, если честно признаться, среди нас, пожалуй, не было больших энтузиастов парашютного спорта, хотя в каждый полет на самолете мы брали с собой парашют. Таково «железное» требование инструкции.

Вот и получился своего рода парадокс: любовь к головокружительному полету и сдержанность к висению под куполом. Нередко задумывался, почему так получается? Наверное, все дело в психологии.

Парашют нам дается для случаев крайней необходимости. И вряд ли можно найти летчика, который бы покинул самолет, не использовав все возможное и даже невозможное для спасения машины. Бывало ведь так и в годы прошедшей войны, да и в дни мирной учебы, когда в воздухе создавалась аварийная ситуация, из которой, казалось, не было выхода, кроме катапультирования, а летчик медлил. Все испробует. И, собрав волю, пойдет на риск, но не откажется от попытки любыми силами сохранить машину — дотянуть до аэродрома, посадить на полосу или грунт, на «живот» или на одно колесо.

Ознакомившись с нашими «парашютными» биографиями, Николай Константинович (так зовут инструктора) поморщился и с откровенным сожалением произнес:

— Плохо!

Мы молчали, а он, чуть помедлив, уже более спокойно добавил:

— Так дело не пойдет...

Стали наверстывать упущенное. Работали, как говорят, на форсаже. Тренировались на различных снарядах, занимались на батуте, приобретали навыки уверенного управления своим телом при свободном падении.

А с Николаем Константиновичем быстро сдружились. Любили слушать истории про парашютистов, которые он охотно и с увлечением рассказывал. А ему было что рассказать — заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион Союза, участник многих международных соревнований. Но все-таки любовь к парашютизму шла к нам не

прямой дорогой, а блуждая окольными путями. Первый выезд на аэродром не вызвал радости, но мы — народ военный, раз приказано — надо прыгать.

Перед прыжками настроение у меня, да и у других ребят было неважное. Потом вроде успокоились. Взлетели. А когда наш самолет подходил к заданному району, сердце вновь защемило. Я первым должен был покинуть борт самолета. Но волновался не один я. Встретившись взглядом с инструктором, понял, что время вышло. Я медлил, зачем-то стал поправлять лямки, потом шлемофон. Старался выглядеть спокойным и безразличным, но прыгать чертовски не хотелось.

И тут твердый и категорический приказ инструктора:

— Пошел!

Я шагнул вперед, с чувством, с каким человек шагает в бездну, и... Начал соображать уже потом, когда рванули стропы. Тогда и вздохнул полной грудью. Осмотрелся. В голубизне, словно ромашка, — купол парашюта, а внизу — приближающаяся земля. Словом, повторялось все то, что я испытал при первом прыжке в училище. Вот что значит перерыв.

Когда коснулся ногами земли, захотелось попробовать еще раз, чтобы повторить все сначала, но уже с полным сознанием происходящего.

А есть среди нас и такие, кто с первого раза с легкой непринужденностью шагал к люку, весело улыбался и, бросив на ходу веселую шутку, нырял за борт.

Прыгали много. Сначала над степью, потом

в воду. Это оказалось не так-то просто. За несколько метров до водной поверхности нужно успеть отстегнуть карабины лямок, освободиться от купола, чтобы он тебя не накрыл, а затем с головой уйти под воду. Никто не избежал подобных «удовольствий». Однако вся наша группа успешно прошла через это испытание.

Прыгали из-за облаков и ночью. По-настоящему испытывали трудности и одерживали победы.

Парашютный спорт вырабатывает у человека смелость, ловкость, выдержку. Эти качества помогли нашим ребятам укрощать бешеную крутящую силу штопора, находить выход из сложных положений. Такое случалось и с Германом, и с другими.

Последние прыжки были зимой. В мороз на высоте много холодней, чем на земле. Но холод не помеха. Трудней прыгать ночью: земли не видно, вываливаешься из люка в темную неизвестность. Мы привыкли и к этому. Прыгали спокойно, без особых эмоций, которые, как говорят наши врачи, приобрели устойчивый характер.

Был еще и такой случай. Один из нас прыгал тринадцатым. Все предыдущие номера лукаво ухмылялись: пронесло, мол. Сам же тринадцатый был довольно сдержан. Потом заспорили. Одни связывали чертову дюжину с неудачами, другие, наоборот, считали счастливым числом. Я рассказал ребятам историю, которая произошла с Павлом Поповичем в Киеве осенью прошлого года. А случилось вот что.

Некие Дмитрий и Лена решили пожениться. Торжественный акт регистрации проходил в городском Дворце бракосочетания. И надо же такому

случиться, что их очередь (попасть во Дворец пока еще не так-то просто) подходила 13 октября. Но и это еще не все. В списках регистрации они числились тринадцатой парой!

Молодые люди приуныли. Престарелые тетушки, да и знакомые помоложе усматривали в этом что-то неблагоприятное. Но что поделаешь: очередь есть очередь. Улыбка на лицах молодоженов, когда они вошли в зал, была натянутой. Цветы и приветствия работников Дворца не спасали положения...

В это время Паша был в городе. Проезжая мимо Дворца, он предложил:

— Давайте зайдем на минутку и поздравим молодоженов, пожелаем им счастья.

Для Лены и Дмитрия это было приятным сюрпризом. Теперь все остальные завидовали тринадцатой паре. Их свадьба, по выражению самих молодоженов, оказалась «космической».

Недавно супруги прислали Павлу письмо. Это письмо я видел. Сообщают, что здоровы и счастливы, приглашают в гости.

Вспомнилось и другое. Тоже из рассказов Павла. Курсант авиационного училища Попович попросил закрепить за ним самолет с бортовым номером 13. И ничего, летал на нем не хуже других, чтобы не сказать большего.

...Отлично прыгнул и наш тринадцатый. Он был спокоен и умело управлял своим телом во время свободного падения. Даже скупой на похвалы инструктор, улыбаясь, заметил:

— Вот как надо прыгать! Учитесь у тринадцатого.

26 февраля

Сегодня мне вспомнился один спор наших ребят. Было это в конце ноября прошлого года. Собрались мы как-то вечером. Речь зашла о древней мечте человека полететь на другие планеты. Наш командир спросил, все ли мы читали об этом. Стали называть книги, мифы и легенды. Разговор увлек всех, а командир подзадоривал.

В самом деле, ведь произведения Жуковского, Мещерского, Циолковского и других мы изучили назубок. А вот о дерзновенной мечте многих поколений, об их стремлении еще в далекой древности покинуть Землю и ступить на другую планету мы знали маловато.

— А вот поинтересуйтесь, покопайтесь в книгах,— предложил командир.

Наша библиотека довольно обширная, но в ней многого не оказалось. Пришлось поездить в одну из московских. В течение нескольких дней после занятий я приезжал туда и просиживал допоздна.

Своеобразные звуки огромного читального зала вбирали в себя и шепот, и шорох, и мягкие шаги по ковру, и шелест страниц. Это — почти не слышный шум людей, читающих и думающих.

Библиотеку по праву можно назвать интернациональной. Кто только там не занимается: болгары, поляки, чехи, китайцы, русские, армяне, узбеки, эстонцы...

В ней можно получить любую книгу, на любом языке — «в натуре» или в виде микрофильма.

Я старался сесть где-нибудь в уголке. Набирал стопку книг и читал, забывая о времени.

Так уж устроена жизнь, что свершению всегда предшествует проект или замысел, а им — мечта. Хотя более или менее правильное представление о нашей солнечной системе было окончательно установлено всего несколько веков назад, а упоминания о посещениях Луны можно проследить до эпохи, отстоящей от нас примерно на 8000 лет.

В одном из древнеиндийских манускриптов говорилось, что за тысячелетия до его написания совершались удивительные полеты. Древние китайские легенды утверждали, что давно-давно улетела на Луну красавица Чан Э. Каждый народ в своих сказках и мифах так или иначе выражал мечту о полете на Луну. В них говорится о путешествиях на ночное светило с помощью стаи обученных лебедей или мощных ураганных смерчей.

Все, что я узнал из прочитанных книг, было интересно.

Однако иллюзии столь упрощенных полетов терпели крах, когда в результате эксперимента было установлено, что плотность воздуха с высотой падает. Мечтателей и фантастов это поставило перед необходимостью «искать» новые средства передвижения, способные действовать в пустоте. Интересный рассказчик и, видимо, остроумный человек Сирано де Бержерак отправлял своих путешественников на Луну с помощью бутылок с росой, которая должна была создать подъемную силу при испарении; кусков магнитного железа, выбрасывание которых вверх с железной колесницы должно было заставить этот «летательный аппарат» следовать за ними под действием магнитных сил, а также батареи пороховых ракет. Но ни одно из

этих любопытных и оригинальных предложений не привлекло чьего-либо внимания в то время.

Исаак Ньютон, открывший закон всемирного тяготения, тоже, оказывается, интересовался возможностью космического полета и даже математически обосновал, какой должна быть начальная скорость снаряда для выхода из сферы земного притяжения. По его расчетам получилось, что снаряд не вернется на Землю только в том случае, если получит скорость около 11 километров в секунду.

Книги рассказывали о том, что по мере расширения границ науки обнаруживались и новые значительные трудности, связанные с полетами на другие планеты. Жюль Верн в своем известном романе «С Земли на Луну» пытался обойти все еще нерешенную проблему двигателя. Он обратился к помощи огромной пушки, погруженной глубоко в Землю.

Действительно, если бы не земная атмосфера, его снаряд, обладающий при вылете из ствола скоростью около 11 километров в секунду, мог бы улететь с Земли. Однако его пассажирам не позавидуешь. Вряд ли они смогли бы перенести такой выстрел. Жюль Верн пренебрег ускорением и чрезмерными температурами разогрева своего снаряда.

Эти неприятности Г. Уэллс в романе «Первые люди на Луне» пытался обойти, прибегнув к сомнительной помощи магнитного железа под псевдонаучной маской антигравитационного экрана.

Сейчас нам совершенно ясно, что выстрелить из пушки в космос через такую атмосферу, как земная, и через такое гравитационное поле, как

наше, невозможно. Другое дело — Луна, там действительно можно было бы использовать подобную пушку, и снаряд ее, испытывая меньшую силу тяготения и не преодолевая толщи атмосферы, мог бы долететь до Земли.

Но дело не в этом. Сейчас прогнозы знаменитого фантаста можно отложить в сторону. Он ошибся. Ошибся жестоко. Его пушка «колубида», выстрелившая в космос огромным снарядом с тремя смельчаками, блекнет перед действительностью.

Жюль Верн отправил во вселенную трех путешественников: англичанина, француза и американца. Русского парня среди его пассажиров не было. Писатель не мог тогда даже предположить, что отсталая царская Россия сумеет сделать такой колоссальный рывок и занять ведущее место в мировой науке и технике. А ведь сумела! Да еще как!

Много интересных книг прочитали наши ребята. И каждая наталкивала на размышления, заставляла понять, как сложен путь от мечты до ее реального воплощения. Интересно, что среди книг, которые я читал, почти все посвящены полетам на Луну, нашу ближайшую соседку по космосу...

1 марта

Еще холодно, но в воздухе уже чувствуется приближение весны. Пахнет чем-то свежим. А снег еще глубокий... И все-таки весна близка. Время летит...

Люди Земли считают, что год состоит из 365 дней.

Много это или мало? Все относительно. Во вселенной счет идет по-другому. Существует так называемый галактический год (больше двухсот миллионов наших лет) — время, которое тратит Солнце, чтобы совершить свой длинный путь вокруг центра Галактики.

По этой шкале времени все человечество не просуществовало и двух «суток», а человеческая жизнь длится всего-навсего «секунды».

Эта философия о времени не случайна. Вчера сидел над чертежом. Не получалась одна из проекций сложной усеченной фигуры. Заглянул в учебник по начертательной геометрии и наткнулся на старую фотографию. Как она сюда попала, уже не помню. Но фотография, я бы сказал, уникальная. Выражаясь словами Андрюшиного дублера, на ней запечатлен «кусочек красавицы Одессы».

В первые дни апреля незабываемого 1961 года афиши приглашали одесситов на концерт в филармонию, в спортивный зал СКА на лично-командное первенство области по тяжелой атлетике, спектакль «Королевский брадобрей», выступление укротительницы тигров Маргариты Назаровой и матч одесского «Черноморца» с какой-то приезжей футбольной командой. Среди этого многообразия афиш одна особенно выделялась. Одесский дом атеизма сообщал: «14 апреля 1961 года в 7 часов вечера состоится лекция «Когда человек полетит в космос». Вход свободный. В заключение кинофильм».

Чья-то рука перечеркнула этот текст и неровным, но уверенным почерком вывела:

«12 апреля 1961 г. Уже! Ура! Полетел! Гагарин!»

Эта существенная поправка была сделана всего за два дня до начала лекции.

Вот что значит время. Иногда за два коротких дня по 24 шестидесятиминутных часа можно отстать на целую эпоху.

Вторая неточность была в словах: «Вход свободный». На второй день после полета Юрия Гагарина вряд ли можно было свободно попасть на лекции о космических полетах. Весть о звездном полете человека ошеломила всех. Многие в нее даже не сразу поверили. Но заря космической эры разгоралась все ярче и ярче. Ее зажгли гений и труд советского народа. Труд, труд кропотливый и самоотверженный, сжимает тысячелетия в века, эпохи в часы — звездные часы человечества.

Вот и храню это фото, как память о замечательных днях апреля 1961 года.

5 марта

Ценой некоторых усилий я облачен в скафандр и шлемофон. Теперь осталось проделать недлинный путь по лестнице вверх. Там кабина корабля. Первое, что я делаю, поудобнее усевшись в кресле, подключаю вентиляцию скафандра и налаживаю радиосвязь. Теперь надо самым тщательным образом проверить все приборное хозяйство корабля, убедиться в надежной работе всех систем.

В наушниках периодически объявляется предстартовое время. Когда чей-то далекий голос доносит до меня слова о пятиминутной готовности, сердце чуть замирает, прилив напряжения несколь-

ко сковывает до этого расслабленные мышцы, но это быстро проходит.

— Самочувствие отличное. К старту готов.

Произнеся эту фразу, я начинаю ждать. Эти пять минут кажутся вечностью. Даже секундная стрелка на бортовых часах, обычно подвижная и стремящаяся неудержимо вперед, словно нехотя ползет по кругу. Еще немного, еще несколько делений и...

Голос Земли командует:

— Приготовиться к старту. Внимание! Старт!

Я замираю в ожидании. Мощный гул нарушает ставшую уже привычной тишину. Значит, мой полет в космос начался.

Докладываю о ходе выведения корабля на орбиту, о своем самочувствии, о том, что видно через иллюминатор. Шум не смолкает, и я невольно стараюсь говорить громче, хотя в этом и нет надобности.

Все время слежу за приборами на пульте, миганием сигнальных лампочек, настройкой радиоаппаратуры. В этом сейчас моя работа.

Вдруг шум неожиданно обрывается, и наступает тишина. Сразу, резко обрубив на полутонах все звуки, она наполнила кабину. Кажется, уже ничто не может разорвать ее гнетущего молчания. Но и в этой тишине есть свой мир звуков: щелкают многочисленные реле и монотонно гудят трансформаторы счетнорешающих устройств и преобразователи...

За иллюминатором — мрак ночного неба, усеянного необычно яркими звездами. Они медленно плывут навстречу кораблю. С Земли такое не уви-

дишь. Но любоваться этими красотами некогда. По заданию я должен выполнить целый ряд операций и описать их в бортжурнале.

Бросаю взгляд на часы. Теперь время летит. Корабль уже над Западным полушарием. Внизу — очертания южно-американского континента, а чуть в стороне — узкая, изогнутая полоска суши. Это Куба. Постепенно очертания как бы смываются: корабль попадает в тень Земли.

Докладываю время. Спрашиваю, как поняли меня. Земля в свою очередь запрашивает мое местонахождение. Определяю координаты и докладываю, что корабль летит над Атлантикой. Потом веду самонаблюдение. В бортовом журнале записываю показатели пульса и дыхания. Пока все нормально.

Внезапно в иллюминаторы врывается яркий солнечный свет — корабль вышел из тени. Прошу, чтобы мне разрешили включить ручное управление. Просьба сначала остается безответной. Жду. И вот в наушниках долгожданное:

— «Орел», я — «Земля». Ручную ориентацию разрешаю.

Не торопясь, спокойно повторяю все те операции, которым так долго учился на Земле. Первое, что я ощутил, это уменьшение света. Он как бы стал уходить из иллюминатора. Потускнело и за бортом. Исчез край Земли. Появились звезды, сначала блеклые, потом все ярче. Продолжаю ориентировать корабль. Проходит секунда, другая, и вот уже снова видна Земля.

...Заканчивается последний виток. Готовлюсь к спуску. По появлению шума начинаю чувство-

вать, что включился тормозной двигатель. Скоро приземление.

Когда открыли люк и я покинул кабину, меня подхватили крепкие руки ребят и трижды подбросили вверх. Все это сопровождалось и веселыми шутками.

Я был в космосе! Мой полет длился столько времени, сколько понадобилось Юрию Гагарину для его первого орбитального полета. Но я «летал» на земле. Все, о чем я написал,— обычная тренировка. Таких много. Они нужны для отработки навыков управления, ориентации, радиосвязи и многого другого. Мы учимся действовать в аварийных ситуациях, когда требуются чрезвычайно точные и быстрые меры.

Очень много мы должны уметь и знать. Таков суровый закон космоса. И мы учимся. Ведь «у нас еще в запасе 14 минут...»

8 марта

Уже поздно. В окнах противоположного дома один за другим гаснут огни. Гаснут, как звезды в предутреннем небе. Все отправляются на покой. А мне не спится. Получил твое письмо. Читая его, отчетливо представил себе, как ты сидишь на подоконнике, крепко обхватив руками колени и положив на них голову. Твое лицо сдержанно, чуть-чуть задумчиво, порой улыбающееся, иногда грустное. Такой я вижу тебя сейчас.

Скоро год, как мы простились. Все это время почтальон приносил твои письма. А почтовый ящик на нашей почте заглатывал то, что я отправлял те-

бе. Ты спрашиваешь, как я живу, как проходят полеты? Почему только полеты? Для тебя я просто летчик, такой же, как и все, кто бороздит наше небо. Это, собственно, и все, что я мог тебе рассказать.

Я больше слушал тебя. Ты умела быть оригинальной и как-то особенно красиво «формулировала» свои мысли. Ты делилась планами на будущее, увлеченно фантазировала, и специальность врача в твоих рассказах становилась самой нужной, самой интересной, самой романтической. Я не спорил, хотя в душе и не во всем соглашался. У меня была своя мечта, со своими крыльями. И, искренне уважая всех медиков, я все же ставил на первое место нашу профессию. А когда ты, вдруг резко повернувшись ко мне, спрашивала, почему я молчу, я только пожимал плечами и, не находя, что тебе ответить, просто улыбался.

Отпуск пролетел быстро. Месяц на юге, а вместе с ним встречи у моря, прогулки в парке, душные залы кино, веселые поездки в город, туристские походы и бесконечные споры о книгах — все осталось позади. В тот день, когда ты уезжала, мне почему-то стало не по себе. Грустно было оттого, что тебя среди нас больше не будет. Ты, вероятно, заметила это, но не сказала ни слова. Прощаясь, была очень веселой, и это меня злило. А уже из вагона, махая в окно рукой, сказала:

— Счастливых вам полетов, молчаливый летчик. Если бы я была летчицей, я бы придумала тысячу самых красивых слов об этой профессии. Эх, вы. У вас в руках небо, а вы... Ведь так, наверное, и жить скучно...

Однажды от тебя пришло письмо. Не скрою, меня оно обрадовало. Потом письма стали приходить чаще. Ты писала о себе, о предстоящих госэкзаменах, о своей будущей работе. В одном из них, где ты восхищалась многосуточным полетом Николаева и Поповича, были такие строки: «Какие славные и замечательные ребята наши космонавты. В этих людях есть все: и отвага, и мужество, и красота души, и удивительная застенчивость, и скромность. Все они, как и ты (то есть я),— летчики, но они романтики. Их выступления по радио и в газетах я не могу воспринимать без волнения: как любят они свое дело!»

В последнем письме снова вопросы: кто и что? Что тебе ответить? Я — летчик, моя работа — полеты: дальние и близкие, днем и ночью, при солнце и в тумане. Тебе это, возможно, покажется скучным, а мне... Я летчик. Вот и все.

10 марта

Сегодня читали выступление Никиты Сергеевича Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Здорово сказал Никита Сергеевич о всех тех, кто, прикрываясь кисеей пафоса, проповедует, по сути дела, неприемлимые, чуждые советским людям идеи и нормы общественной и личной жизни. И очень правильно ставится вопрос о выборе своего места на баррикаде. Нечего подделываться. Надо говорить прямо: либо либо... «С кем вы, мастера культуры?» — справедливо спрашивал в свое время Горький.

Мне вспомнился эпизод, рассказанный товарищами, которые были с Титовым в зарубежных поездках. На одной из пресс-конференций Космонавта-Два спросили: «Может ли в Советском Союзе наука вести свои исследования независимо от партии?»

Надо было видеть, каким гневом сверкнули глаза Германа. Он посмотрел в упор на задавшего этот вопрос худощавого субъекта с холеным лицом и надменной улыбкой, и тот, не выдержав этого взгляда, поторопился сесть. Усилием воли Герман сдержал себя и спокойно ответил:

— Я — коммунист, и все, что я делаю, делаю в интересах партии и народа. У нашей партии нет других интересов, как служение народу, забота о его благе. Народ наш сам создал свою партию, она — родная. Поэтому и наука наша, которая служит народу, развивается под руководством Коммунистической партии.

Мне думается, то же самое можно сказать о литературе и искусстве.

Когда читали выступление Никиты Сергеевича, где он говорит о красоте русского леса зимой, Паша принес картину. На ней был почти такой же лес, как описал его Никита Сергеевич: серебряные тени, задумчивые косматые ели, увенчанные шапками снега. Картина была полна солнца, и это придавало ей необыкновенную жизненную силу. Даже снежинки казались искрящимися, настоящими.

Несколько ребят в один голос спросили:

— Где ты взял эту прелесть?

И Паша с гордостью ответил:

— Подарил один художник. Не абстракционист, конечно.

Мы долго любовались заснеженным лесом. Он казался нам родным и близким. Каждый из нас видел его таким, когда во время занятий по физкультуре ходил на лыжах по лесам Подмосковья. Конечно, никто не встречал в лесу деревья, растущие вверх корнями. Тысячу раз был прав Никита Сергеевич, когда сказал, что чепуху и мазню «может намалевать любой осел своим хвостом».

15 марта

Не каждый день выберешь время, чтобы сделать запись в дневнике. Дел по горло, и все надо успеть.

Недавно мы отмечали событие в семье Андрюшиного дублера. Шутка ли — маленькая Валюша подарила дублеру первенца.

Сбылась мечта наших молодоженов — у них родился сын.

Весь день сияющие мать и отец принимали бесчисленные поздравления и подарки. Счастливый отец был на седьмом небе (ведь он космонавт!) и весело подтрунивал над своими женатыми друзьями. Ведь у Юрия две дочери, у Паши тоже дочка, даже некоторые наши преподаватели растят только дочек.

Еще задолго до отъезда Вали в родильный дом ребята «пугали» его, пророчили дочь. Так и говорили:

— Жди дочку. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождается больше девочек.

Будущий папа отшучивался. Он очень хотел сына. Об этом потом нам рассказала по секрету его жена.

А сколько шуму было, когда решали, какое имя дать будущему космонавту. Предлагали: Константин — в честь Циолковского, имена нашей звездной четверки и множество других. Но Валя настояла на своем — сын будет носить имя отца. И в этом есть смысл. Ведь если он в отца пойдет, и будет таким же решительным, настойчивым, не отступающим ни на шаг от задуманного, от намеченной цели, он станет человеком.

3 марта

Сегодня вместе с группой наших ребят я ездил в Центральный дом работников искусств. Там развернута выставка работ художников студии имени М. Б. Грекова.

Подобную выставку я смотрел не впервые, ребята также бывали на многих выставках. Но эта нас приятно удивила. Появилось не просто много полотен, отобразивших героику войны и будни армейской жизни, а работ хороших, привлекательных, волнующих. На выставке экспонировано около 400 произведений живописи, графики, скульптуры.

Художники запечатлели советских воинов, оберегающих труд наших людей, нашу действительность, порой суровую, но красивую.

Мы познакомились с картинами П. Кривоногова, И. Евстигнеева, Г. Прокопинского, Е. Данилев-

ского, И. Бордачева, с новыми линогравюрами В. Бибикова.

На нас произвели глубокое впечатление скульптурные портреты Ю. Гагарина, Г. Титова, А. Николаева и П. Поповича. С какой любовью они сделаны! Эти работы говорят о большом и напряженном труде скульптора. Великолепны композиции «К звездам!», «Эра космоса», «В космос!», «Первый космонавт», «Здравствуй, земля!». Все это сделал Григорий Постников. Перед его работами ребята долго стояли, смотрели, размышляли и чувствовали жизнь, высеченную из камня.

Не меньшее впечатление произвел на нас и сам автор — превосходный скульптор и замечательный человек.

20 марта

Летом во время отпуска друзья затащили одного из наших товарищей на Арагац.

Арагац — станция космических лучей. Это высоко в горах, отметка — 3250. Люди поднимаются сюда, чтобы почувствовать, как незримое и неслышное становится как бы осязаемым. Здесь физическая лаборатория. Раздумывая над всем, что нам рассказал летчик-космонавт С., я стал вспоминать, что я знаю о космических лучах. Они прибывают на Землю после долгого и однообразного путешествия через пустынное безмолвие мирового пространства. Очевидно, Земля — не цель их странствий. Земля, пожалуй, только одно из небесных тел, лежащих на их пути. Они бороздят Вселенную во всех направлениях, и нелепо было бы думать,

что где-то существует единственный источник их происхождения.

Более того. Мне кажется, «лучи» тут даже не очень точное название. Обычно с этим словом связывают представление о чем-то непрерывном и определенно направленном, а мы знаем, что космические лучи — это потоки частиц материи, пронизывающие земную атмосферу со всех сторон. От солнечного света можно укрыться в тени; такая тень — ночь, всегда охватывающая половину земного шара. В этом смысле от космических лучей спрятаться негде, как в океане не уйти от воды. Лучи — тот космический мировой океан разреженного вещества, сквозь бури и метели которого плывет наша Земля.

Открытие Вильгельмом Рентгеном невидимых лучей, для которых обычные непрозрачные тела оказались прозрачными, произвело на современников потрясающее впечатление. В ту пору еще никто не знал, что эти лучи подобны световым, но обладают гораздо меньшей длиной волны. Никто тогда не предполагал, что они возникают при торможении быстролетящих электронов вблизи атомных ядер. О строении атомов тогда еще люди не имели представления.

Только спустя много лет открыли строение атомного ядра и многое другое.

4 апреля

Отпраздновали День космонавтики — славный день нашего советского календаря. Подумать только — это вторая годовщина полета Юрия. И снова

началась будничная работа. Сейчас тренировки стали еще сложнее. Усовершенствованная техника предъявляет более повышенные требования. И это естественно. Каждый новый полет — новый скачок, новое достижение. Мы знаем, да и весь ритм нашей стремительной жизни подтверждает, что придет время, когда наши звездные корабли вырвутся за пределы ближнего космоса. Они полетят на Луну, может быть, на Марс или Венеру.

Мечта? Пусть будет мечта. Ведь именно она открывает нам путь в будущее. Когда задумываешься над этим будущим, часто приходит мысль, что в дальних полетах будет участвовать не один человек. Выражаясь нашим, авиационным языком, в космос отправился целый экипаж: космонавт-пилот, космонавт-штурман, космонавт-бортинженер и т. д.

Но дело не только в специалистах. Они могут быть и не совсем такими. Важно другое: подобрать настоящий экипаж — задача очень сложная. В самом деле, такой подбор не может не учитывать физических, психологических особенностей каждого члена «космического» экипажа, но и, как у нас говорят, «совместимость» людей. Ведь им, отрезанным от Земли, от всего мира, придется провести вместе долгие и очень напряженные дни. А главное — выполнить сложное задание такого полета можно только усилиями всех, кто будет находиться на борту корабля, когда без лишних слов, порой по одному взгляду, нужно почувствовать, угадать намерения товарища, понять, чего он ждет от тебя в данный момент.

Да, совместимость — вещь очень сложная. Ведь

ее иногда нет даже у очень близких друзей. Но зато при совместимости никакие сложности и трудности не страшны — тогда можно в любой звездный рейс отправляться с легкой душой.

Сегодня на занятиях в спортзале играли в волейбол. Игра была к тому же и календарной. Я сидел на скамейке запасных и, наблюдая за ребятами, невольно размышлял о проблеме многоместного космического корабля.

С кем бы я хотел попасть в один экипаж?

Мысленно рисовал различные ситуации и старался представить себя среди товарищей. Придирчиво я проводил «отсев», упорно старался найти ответ на мучивший меня вопрос: ну кто же, кто оказался бы самым надежным, самым верным, самым, если так можно сказать, желанным?

Но... Не нашел я ответа. Запутался. Ну разве можно делить наших хлопцев на «подходящих» и «неподходящих»! Вздор! Готов лететь с каждым и со всеми вместе хоть на другую солнечную систему.

Я иногда смотрю на себя как бы со стороны и думаю: вот этому научил меня Юра, тому-то — Герман. Вдумчивости и хладнокровию я учился у Андрияна. Кстати, этими качествами обладают и другие космонавты, готовящиеся к новым полетам. Четкость в работе, самодисциплина, взаимовыручка... Да разве перечислить все хорошее, что есть у наших ребят и что они со всей щедростью своего сердца готовы отдать другим.

Сколько полезных советов давали нам те, кто первыми испытали гнетущую тишину и другие специфические особенности сурдокамеры, кто

испробовал на себе и жар и холод термокамеры, кратковременную, но загадочную и необычную невесомость на борту специального самолета.

Я вспоминаю предполетные дни Николаева и Поповича. Каждая их тренировка в корабле проходила с обязательным участием Германа Титова. Он приходил сам, и часами объяснял, как и что делать в том или ином случае. Герман первым из всех нас «обжил» корабль в космосе в течение суток. У него был самый большой опыт, как следить за приборами, работать с аппаратурой, принимать пищу, вести наблюдения — и все это делать, преодолевая необычность невесомости.

Ребята задавали ему множество вопросов, переспрашивали по нескольку раз, а он спокойно и терпеливо объяснял еще и еще раз.

А сколько полезного и важного узнали все мы из рассказов Андрияна и Павла! И все это делали просто, без лишних слов, так как это обычно делается настоящими товарищами.

Наши ребята не любят громких фраз. Они знают, как нужно работать, как важна для нас разносторонняя подготовка, как надо беречь время и выполнить любой приказ командования без напоминаний и точно в срок.

Кстати, о точности. Космонавтика ее любит. Иначе нельзя. Ученые подсчитали, что для встречи двух космических тел точность должна быть буквально ювелирной. Например, запуская снаряд на Луну, надо учитывать, что встреча произойдет в какой-то определенной точке, куда снаряд и Луна должны прийти через строго рассчитанное время. Это гораздо сложнее, чем с борта сверхзвуково-

го истребителя попасть в скоростную цель. Ведь до Луны почти четыреста тысяч километров!

Жесткие требования космической точности не выдумка ученых, не их каприз. На одном из занятий мы прикидывали, если ошибка в расчете скорости полета последней ступени ракеты составит всего лишь одну сотую долю процента, траектория полета ракеты отклонится от расчетной на 250 километров, если старт задержится хотя бы на 10 секунд — расчетная точка встречи на поверхности Луны сместится на 200 километров. Вот что такое секундная точность пуска!

Точность нужна во всем. Вот мы и решили приучить себя к точности и организованности даже в мелочах. Опоздания не только в строй или на занятия, но и просто на встречу с друзьями у нас не допускаются. Проштрафишься, заставишь товарищей ждать себя — получай наказание. Оно у нас хоть и не очень строгое, но не из приятных. Купнут раз-другой в ванне с холодной водой. Кстати, опоздавших теперь не бывает.

5 апреля

Вчера мы тренировались в сложных условиях полета. И когда я мысленно прослеживаю все наши тренировки, то задаю себе вопрос, что же было самым трудным в этих тренировках?

Может быть, бешеное вращение центрифуги, когда на тебя наваливается жуткая тяжесть, глаза заволакивает туманом, а кровь пульсирует в висках? Или изнуряющая жара термокамеры, когда, облизывая языком пересохшие губы, чувствуешь

всю соленость своего пота? Или тягостное одиночество первого пребывания в камере тишины?

Вспоминая пройденное, я останавливаюсь на том, что самым трудным для меня был, пожалуй, первый приход в сурдокамеру. Перегрузки приходилось испытывать и в истребительном полку. Когда ведешь в зоне учебный воздушный бой и, выходя из атаки, стараешься не дать напарнику зайти в хвост, приходится закладывать такие виражи, что, казалось, будто тонны вдавливают тебя в кресло.

«Сурдо...» — слово-то не наше, не русское. Смотрел его в словаре. В переводе с латинского оно означает: немой, глухой, тихий... Мне раньше приходилось читать, что врачи уже давно приспособили тишину для своих целей. С ее помощью они ведут борьбу с болезнями сердца, нервов и другими недугами. Тишина — хороший помощник в их деле. Но для нас...

Все мы привыкли к определенным звукам: шуму на улицах городов, передачам радио, разговору окружающих, специфическому шуму рабочих помещений, лекционных аудиторий. А тут попадаешь в мир тишины. Ни звука, ни шороха, если не считать своих шагов, скрипа кресла и шелеста страниц читаемой книги.

И вот сейчас, раздумывая над всем этим, я как бы снова переживаю тишину сурдокамеры.

Тишина. Она заползает в каждый угол небольшой комнаты и как бы следит за тобой, подкарауливает, ждет. Становится даже как-то жутко.

Мне приходилось читать, да и наши врачи рассказывали, что многие американские кандидаты

в космонавты не выдерживали этого испытания. Был случай, когда уже через сутки одиночества один из них начал проявлять какое-то странное беспокойство, а на вторые разбуянился.

Никто из американских летчиков, проходивших первыми испытания на земле, не выдерживал более 44 часов пребывания в капсуле, где ограничивалось всякое чувствование. В полной изоляции, когда звуки, свет и другие раздражители не действовали на человека, он обнаруживал смешливость, изменчивость эмоционального состояния, порой крайнюю нервозность. Известны и более серьезные нарушения психики.

Наших ребят не сломила сурдокамера. Юра, Андриян, Герман, Павел и другие чувствовали там себя прекрасно. Прошел через это «чистилище» и я. Но, если говорить откровенно, был момент, когда сердце екнуло. Это случилось на третий или четвертый день после того, как за мной закрыли тяжелые толстые двери камеры. Я окунулся в мир тишины. За стенами непрерывно работали самописцы. И вот сработала сигнализация. Что-то щелкнуло. Сноп ярко красного света ударил в глаза. Пронзительная сирена рванула тишину. Потом все стихло, будто ничего и не произошло. Но первые доли секунды, когда в ставшую уже привычной тишину неожиданно врываются резкие звуки, честно скажу, трудные секунды. Зато какими приятными кажутся шум качающихся сосен, монотонное шуршание дождя, голоса знакомых, когда выходишь из этого мира тишины.

Врачи тогда дали хорошую оценку моему поведению в сурдокамере.

18 апреля

Был в Москве. Пользуясь свободной минуткой, снова завернул в Центральный дом работников искусств. Сам не знаю почему, но захотелось второй раз взглянуть на картины художников студии имени Грекова. Прошлый раз, когда мы были здесь группой, всем, кто смотрел выставку, она очень понравилась. Правда, времени было мало, и я не обратил внимания на некоторые вещи.

Теперь брожу по залам один. Времени достаточно. То, что я тогда видел лишь мельком, теперь можно осмотреть внимательно. Снова ощущаю радость за успехи наших военных художников. Что ни говори — коллеги.

Я сам немного рисую. Пока свои работы никому не показывал. Побаиваюсь строгой критики. Но об этом как-нибудь после.

Вот картины художника В. Переяславца. Долго стоял я у его работ. Характерно, что все картины — групповые. Я лично не знаю художника. Но чувствуется, что талантлив. Меня только смутило одно обстоятельство. И вот какое. Почему люди на картинах Переяславца все выстроены в ряд, как солдаты на вечерней поверке. И не одна, а все его картины так написаны. Стало грустно и обидно за талантливого человека. Радовало, что другие художники оказались на высоте.

24 апреля

Утром в нашей столовой зашел интересный разговор. Один из «очередников» заговорил о космических обедах, о том, кто и как снабдит пищей аст-

ронавта, летящего, скажем, на Марс. Мы не пришли к единому мнению, будут ли этот вопрос решать химики или биологи. Сейчас, действительно, сказать трудно.

Наш очередник спросил, знаем ли мы, что на год каждому члену экипажа межпланетной ракеты нужно: 766,5 килограмма воды (это семь здоровых бочек!), 313,9 килограмма кислорода и 296 килограммов органических веществ.

Любопытные цифры получаются, если сделать посуточную раскладку необходимых веществ в атомном составе. Оказывается, что для человека весом 70 килограммов требуется химических веществ: кислорода — 3150 граммов, включая дыхание, углерода — 930, водорода — 290 граммов, включая дыхание, азота — 4,5, фосфора — 1,5 грамма, калия, натрия, хлора и серы — примерно по одному грамму. На остальные необходимые элементы — марганец, железо, медь, йод, магний — приходится в общей сложности меньше одного грамма.

Откуда он вычитал все это?

Ребята слушали его с большим вниманием. Ведь интересно. Оказывается, и тыква может быть полезна в космических рейсах. Три с половиной метра живых листьев тыквы полностью обеспечивают кислородом одного человека.

Потом зашел разговор о весе. Стали подтрунивать над одним из наших товарищей, который за последнее время несколько округлился. Кто-то из ребят лукаво заметил:

— Смотри, как бы с тобой не повторилась история одной из героинь кинофильма «Цирк».

Помнишь, чем кончился ее полет после того как она объелась торта?

Ребята захохотали. Любят у нас шутку.

26 апреля

Уже несколько дней тренируемся в невесомости. Невесомость, пожалуй, уже перестала быть для нас сплошной загадкой. Почему? Гагарин провел в этом состоянии час, Герман Титов — 25 часов, Андриян и Павел — несколько суток. Испытали ее и все наши ребята, правда в меньших дозах. Вывод один: в невесомости можно жить и работать.

Тренировочные полеты на невесомость стали привычными, и, я бы даже сказал, желанными — интересно и необычно. Особенно переход от нормального состояния к невесомости. В специально оборудованном самолете, на котором нам «дают провозные», это происходит довольно быстро, практически мгновенно. Сначала сидишь на полу «бассейна», ощущая свой вес, потом вдруг между тобой и полом образуется пространство. Чуть оттолкнулся и поплыл.

Некоторые считают, да и я сам раньше так думал, что парение в воздухе аналогично плаванию в воде.

В принципе это так. Но есть и разница. Она в пути разгона. Ученые подсчитали, что для человека, плавающего в невесомости, путь разгона в восемьсот(!) раз длиннее. Объясняется это просто: плотность воздуха в такое число раз меньше плотности воды. Плавание в невесомости медленное.

На одном метре пути космонавт развивает скорость, равную 2—3 сантиметрам в секунду.

После полета Паша рассказывал об интересном поведении жидкости, налитой в сосуд. По этому поводу на пресс-конференциях ему было задано много вопросов.

Журналисты — народ дотошный, их интересует все, и они засыпают вопросами. Правда, иностранных корреспондентов обычно интересуют сенсации.

Мне припомнился случай, когда Андрюшу спросили, где находится ракета с двумя космонавтами, которую Советский Союз якобы год назад запустил в сторону Солнца?

Когда у журналиста спросили, откуда он почерпнул этот бред, тот сослался на американскую газету.

А другой иностранный журналист, видимо желая смутить Андрияна, спросил: «Возможен ли полет советской женщины в космос?»

Мне очень понравился его ответ. Я не могу привести его дословно, но смысл его таков:

— В нашей стране есть немало женщин, которые отлично владеют профессией летчика. В годы минувшей войны они проявляли невиданный героизм, сражаясь в воздухе за свободу и независимость Родины. Женщины — врачи, ученые, капитаны морских кораблей, члены правительства... В Советском Союзе это не только возможно, это существует уже сорок пять лет.

Закончил он так свой ответ:

— Ну вот теперь вы сами ответьте мне, могут ли советские женщины полететь в космос?

Затем Андриян привел слова, сказанные Н. С. Хрущевым: «Семья космонавтов в будущем пополнится и дочерьми народов нашего многонационального государства».

28 апреля

Бурным был сегодняшний вечер. До хрипоты спорили о произведениях А. Солженицына.

Многие из нас утверждали, что произведения, написанные А. Солженицыным, очень неровные, односторонние в идейном отношении, неполноценные, а некоторые — просто слабые. На этом, кажется, все сошлись. Но больше всего говорили о его повести «Один день Ивана Денисовича».

Мне понятно, что в ней не только резкий протест против беззаконий, творившихся в период культа личности. Однако в самом произведении, как мне кажется, немало противоречий.

Некоторые вещи в этой повести меня смущают. Первое вот что. Иван Шухов, главный герой повести, казалось бы, должен олицетворять образ борца, пытливый, активный. Но автор лишил его этих качеств. Я не знаю, как литературные критики понимают это, но меня это смущает. Ведь Шухов покоряется сложившейся обстановке душой и телом.

Второе. Вся его философия: выжить! Конечно верно, что Шухова замордовали. И это не его вина. Но, судя по всему, автор подает его как образец стойкости. Согласиться с этим я не могу. И ребята разделяют это мнение. Какая же это стойкость,

если Иван Денисович даже не пытается выяснить свою вину, живет лишь интересами «баланды», «левого» заработка и желанием иметь тепло.

Я не хочу строго судить героя Солженицына. Мой возраст и жизненный опыт просто не дают мне на это право.

Однако при всех условиях Иван Шухов — это не народный характер, выкованный в годы Советской власти, а скорее наследник мужицкой патриархальщины, подобный Платону Каратаеву.

В этой повести мне больше нравится кавторанг Буйновский. Вот это настоящий советский человек. Жаль, что он не главный герой повести.

5 мая

Этот день был по-настоящему весенним. Прошли первомайские праздники. Все собрались в наш звездный городок. Воскресенье. Сегодня никуда не поехал. У нас в лесу чудесно...

Юра принес телеграмму.

«Москва. Звездный городок. Стенгазете «Нептун» (это наш боевой сатирический орган). Поздравляем праздником печати. Вечной остроты нептуновскому перу. Желаем быть на космической высоте. Земляне».

Вспомнили веселые и остроумные шаржи, колкие шутки, рассказы в картинках. Наш «Нептун» очень резв. Держись, если попадешь на его вилы. Некоторых из нас он не оставляет своим вниманием. Я тоже не был им забыт...

Как-то незаметно разговор перешел в профес-

сиональное русло. Заговорили о кораблях и их создателях.

Трудно найти слова, чтобы воспеть наши корабли. Они замечательные. Да и люди, у которых родилась конструкторская мысль, которые воплотили эту мысль, как говорят, в металле, тоже замечательные.

Несколько раз мы встречались с Главным конструктором космических кораблей. И он бывал в нашем звездном городке. Нам приходилось его видеть в различной обстановке. Внешне он очень прост, довольно крепко сложен. По возрасту не молод, но лицо моложавое, приятное, русское. Глаза он слегка прищуривает. Он кажется человеком очень спокойного характера. Но так бывает только в те короткие часы, когда дело не касается работы. Наблюдая за ним на космодроме или когда он просматривает чертежи, или в цехе, или на заседании Государственной комиссии, этого уже не скажешь.

Главный конструктор до мельчайших деталей знает дело, умеет все подметить, быстро и правильно оценивать обстановку. У него масса идей, интересных и поражающих нас, новичков космонавтики, своей грандиозностью.

Как-то мы его попросили и он кое-что рассказал о себе.

— Учитесь, хлопцы, старайтесь узнать как можно больше полезного. В космосе вам знания очень пригодятся. Учитесь пока время есть. Как поется в песне, у вас еще в запасе четырнадцать минут... Используйте их с максимальной пользой.

Часто мы просто фантазируем, пытаясь пред-

ставить уровень развития космической науки через двадцать, тридцать, сорок лет. Стараемся предугадать, какими станут космические трассы в ближайшие десятилетия. В солнечной системе появятся крупные автоматические станции-спутники, наблюдательные пункты на планетах, обитаемые искусственные планеты. Наша Земля станет столицей солнечной системы. Она будет связана незримыми нитями не только с окружающим ее миром солнц, но и далекими космическими цивилизациями.

Фантазия? Нет, уже не фантазия. На пыльных тропинках далеких планет обязательно останутся наши следы. Прав был поэт, когда писал:

Мы со своей мечтою
дерзновенной
Отныне — корабельщики
Вселенной.
Вселенная — открытый океан!

9 мая

Сегодня День Победы... Над Москвой сейчас гремит салют и множество разноцветных огоньков вспыхивают в темном небе. Сижу за своим столом, хочу сделать запись в дневнике, а мыслей собрать не могу... Война. Она закончилась восемнадцать лет назад. Много это или мало? И да и нет.

Когда говорят, что человек прожил большую жизнь, мысленно представляются годы труда, годы борьбы, радости, горечь неудач, высокий порыв творческого вдохновения, человечность, улыбки,

слова и теплый взгляд много повидавших на своем веку глаз.

Мы молоды, большинству из нас не приходилось делиться последней коркой хлеба, видеть кровь убитых женщин, растерзанных детей, трупы на опустевших улицах Ленинграда. Но кто смеет утверждать, что минувшая война ожесточила сердца нашего народа, наших людей, а потому сейчас можно встретить холодных эгоистов? Нет! И еще раз нет! Люди, прошедшие суровую школу испытаний, стали чище, отзывчивее.

Многие наши преподаватели сражались на фронтах войны. Говорят, что человеку, привыкшему к опасности и риску, трудно найти свое место в обычной жизни. Будни ему будто бы кажутся скучными. Это, конечно, неверно. В нашей жизни много подтверждений тому. И разве не об этом свидетельствует жизнь и работа наших старших наставников, командиров, чью грудь украшают Золотые Звезды героев.

Правильно говорят, что не только в исключительных обстоятельствах человек подвергается испытаниям. Не только в час опасности, в минуту величайшего напряжения духа раскрывается его сердце. В самых обыкновенных житейских делах и в самом сложном, тонком — в человеческих отношениях — могут быть люди и людишки, красивые и уроды, верные высоким идеалам и лицемеры.

Наши ребята — это люди красивой души. Они придут на помощь своим друзьям в большом и малом и способны совершить подвиг во имя Родины.

День Победы... Я не испытал всех ужасов вой-

ны, но для моего поколения она не прошла бесследно. Почему я об этом пишу и думаю сейчас, когда уже все далеко позади? Наверное, потому, что так уж устроен человек. Даже в минуты большого счастья люди иногда вспоминают о прошлом. Вспоминают, каким бы тяжелым ни было оно. Ничего, что при этом ноют старые раны и больно колет сердце. Зато наш сегодняшний день кажется после этого более прекрасным, солнце — особенно ярким, воздух — необычайно чистым и свежим.

Нет, человечество не вправе забывать прошлого. Если ему будет неведомо, что все это было, следовательно, оно может повториться.

11 мая

Случай... В жизни бывают разные случаи. Когда поразмыслишь о поведении человека в том или ином случае, то он раскрывается перед тобой своим существом.

...Одному из наших героев космоса потребовалось отправить в город Л. родственницу: как будто сестру жены. Приехал он на вокзал в штатском костюме. Заходит в зал и по привычке направляется к военному коменданту.

Так и так — помогите, пожалуйста, с билетом.

— Мы обслуживаем только военных.

— Честное слово — я военный.

— Документы.

Полез было наш друг в карман, но потом передумал. Не захотел называть себя. Сразу же оговорюсь, что ему вообще-то повезло — он не похож

на свои портреты, на фотографиях ему обычно лет на двадцать больше. И это позволяет ему — особенно, когда он в штатском — посещать стадионы, театры, не срывая при этом спектаклей, заходить в некоторые учреждения и организации, не нарушая ритма их работы.

Пошел космонавт к «гражданским» кассам. Посоветовали ему там стать в какую-то очередь. Выстоял он ее терпеливо, оказалось, не та касса. Пошел к другому окошечку, еще постоял, но опять безрезультатно. В этом окошечке давали билеты только «туда и обратно». Так и ходил от кассы к кассе, а время шло, и надо было возвращаться в городок. Решил рискнуть и заглянул к дежурному по вокзалу. Здесь состоялся хоть и горячий, но не очень приятный разговор. Окончился он эпическим: «Много вас таких тут ходит».

Вот и почувствовал наш герой впервые себя бессильным. Космос одолел, а билет на поезд достать не смог. Помочь космонавту взялся другой наш товарищ. Он должен был возвращаться в городок несколько позже и взялся выстоять еще одну очередь.

Когда он вернулся с билетом, поведал нам эту историю и добавил:

— Взял билет, отсчитал положенную сумму и говорю: «А ведь час назад был у вас летчик-космонавт. Понадобилась ему ваша срочная помощь, но...»

И работники вокзала всполошились. «Да как же так? Да что же он не назвался? Мы бы... Боже ж ты мой — сам герой космоса был!»

А разве дело в этом?

Да, был такой случай. Толковать его могут поразному. Но я твердо убежден, что только скромность не позволила нашему товарищу назвать себя. Я-то знаю наших ребят.

А вспомнилось мне все это вот почему. Приезжал к одному из наших ребят товарищ, с которым он раньше учился. Провожать его собрались несколько человек. Приехали на тот же вокзал. Народу в кассовом зале немного, над каждым окошечком — таблички, на стенах — указатели. Буквально за несколько минут справились со всеми билетными делами. Вот я и подумал, что не прошел тот случай даром для работников вокзала.

19 мая

Сегодня, когда ехали в академию, я спросил Пашу:

— Как ты думаешь, что такое мечта?

Наш разговор подслушал вездесущий Космонавт-Пять и со вздохом — опять, мол, философствуете — вдруг высказал интересную мысль. Он сказал, что для нас, космонавтов, мечта — это то, что быстрее всего стареет.

Размышляя над этим, я все более убеждаюсь, что он, пожалуй, прав. В наше время дела человеческие опережают самые дерзкие мечты.

Лучший пример, разумеется, космос. У Генриха Гейне в дневниках есть такая запись: «...Земля, эта скала, к которой навеки прикован страдающий Прометей — все человечество».

Во времена немецкого писателя мечтали о ковре-самолете, причем очень робко. Сегодня весь мир

знает имена четверых наших Прометеев, порвавших оковы Земли. Это сегодня. А завтра?

Много чудес видела наша планета. Книги донесли до наших дней рассказы о победах человеческого разума над таинственными тогда силами природы. Какой сенсацией были первые пароходы, преодолевшие ветер и бурные течения, а появление первой лампочки накаливания! Потом еще и еще. Первому мужественному летчику, оторвавшемуся от земли и пролетевшему несколько десятков метров, аплодировал весь мир. Долгий и упорный штурм неба привел к космическим полетам.

Часто с гордостью, может быть наивной, я думаю о том, что человек — все-таки удивительное создание природы. Сила его рук, мощь его мысли мне представляются сейчас поистине сказочными. Укажите цель, задачу, проблему, осуществление которых является несбыточной мечтой. Не сможете! Потому что мы — современники и соотечественники Гагарина, Титова, Николаева и Поповича, и нам, нашему поколению, суждено утвердить на земле коммунизм.

На занятиях в академии мы (я говорю «мы», «наши ребята» с тех пор, как меня зачислили кандидатом в космонавты, я даже мысленно не могу отделить себя от ребят) изучаем марксизм-ленинизм, историю нашей партии, ее новую Программу.

Словно гимн торжественно и величаво звучат слова этого документа: «Высшая цель партии — построить коммунистическое общество». Это свершится! Мы, молодежь, верим в партию, в неисчерпаемые силы своего народа и будем преданно служить ей, настойчиво бороться за осуществление

идей, провозглашенных Лениным. Да, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Ну, а наша профессия? Полеты советских людей в космос — это символ того нового, чудесного и смелого, что несет коммунистическое общество.

20 мая

Домой вернулся поздно. Зашел по пути к Андрияну и заболтались. В его комнате тот милый беспорядок, который царит в комнатах холостяков. На столе, на подоконниках и даже на полу лежали книги. Андрюша протянул мне томик в коричневом переплете. Я прочитал: «К. Э. Циолковский. Избранные труды».

Андриян купил сборник в Москве и с нескрываемой гордостью заметил, что это последнее академическое издание. Он, как и Герман, книголюб, книги — его страсть, все шкафы набил ими. Заговорили о работах Циолковского. Они чрезвычайно интересны и увлекательны. И всегда с уважением вспоминаешь гениального ученого, его всепоглощающую страсть исследователя, его самоотверженное служение Родине и человечеству.

Навек прославил Россию Константин Эдуардович. И имя его по праву поставлено в заглавную строку истории науки.

Я где-то читал, что на одном из первых воздушных шаров, поднявшихся к облакам, было написано: «Так идут к звездам». Этот матерчатый шар, подогреваемый жаровней с углями, поднял человека всего лишь на версту над поверхностью

земли. До звезд было далеко, ой, как далеко! Но путь был открыт.

Циолковский пошел дальше. Он первым описал птицеподобный летательный аппарат, приспособив затем крылья к ракете. В его проектах человек устремлялся все выше и дальше и, наконец, должен был умчаться туда, где нет оков земной тяжести...

Читая работы Циолковского по ракетодинамике, я всегда думаю: с каким широким русским размахом и необычным взлетом фантазии они написаны. Мы иногда критически относимся к слову «фантазия», когда речь идет о научных открытиях или строгих теоретических проблемах. Очень хорошо сказал об этом Владимир Ильич Ленин:

«Напрасно думают, что она (фантазия) нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»

В «Грезах» Циолковский путешествовал по эфиру, беседовал с воображаемыми жителями эфира, причаливал и отчаливал от астероида к астероиду, но о том, как устроен корабль для всех тех странствий, он не сказал ни слова.

Надо было сперва математически проверить, доказать, обосновать идею. Так всегда в науке — сначала идет мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И вот уже в конце концов исполнение венчает идею...

Циолковский сделал этот расчет. Его работа «Исследование мировых пространств реактивными приборами» опубликована 60 лет назад, в мае 1903

года, хотя сам расчет был сделан еще в 1897 году. Теперь весь мир знает, что это открытие космонавтики сделано в России, что трудился над ним русский.

Разве можно не восхищаться уравнением Циолковского. Разбуди меня ночью, и я назову его как таблицу умножения: $V = V_1 \log\left(1 + \frac{M_1}{M_2}\right)$.

Очень просто выглядит эта формула. Но вряд ли ошибусь, если скажу, что в этой короткой строке из цифр и буквенных обозначений скрывается зародыш такой власти над природой, о которой не мечтал еще человеческий род.

Смотрю и на свой книжный шкаф, где на отдельной полке собраны труды Константина Эдуардовича. Сколько содержания в этих, порой, тоненьких брошюрках. Жаль, что у нас до сих пор нет хорошего полного издания трудов великого ученого.

Другие ребята тоже увлекаются Циолковским. Да нам просто нельзя не знать его работ. Часто у нас идут оживленные дискуссии. Интересно, что дальние космические полеты Циолковский представлял как движение по этапам. Одно поколение продвигается до ближайшей звезды, а второе — дальше. Но надо сказать, что та перспектива бесконечного расширения человечества, которую рисовал Константин Эдуардович, сменяется сегодня совершенно другим решением. Его даст нам новая механика, возникшая на основе теории относительности Альберта Эйнштейна. Очень символично, что на перепутье дорог, устремленных в космос, встретились два учения: физическая теория, перевернувшая представление о пространстве и време-

ни, и величайший из замыслов, направленный на покорение этого пространства и времени...

22 мая

Часто нас спрашивают (особенно этот вопрос любят задавать спортсмены), какой вид спорта более всего сопутствует тренировкам космонавтов? Или еще. Можно ли хорошо физически подготовить космонавта к космическому полету, если он будет заниматься каким-нибудь одним видом спорта?

Космонавт — это своего рода десятиборец. Возьмите наших прославленных спортсменов: Кузнецова, Новикова и других. Они умеют «выложиться» на стометровке, отдать все силы, как пловцы. Это можно сравнить с темпераментной и быстрой игрой в хоккей, когда состав команды меняют каждые тридцать секунд.

Космонавты тоже должны обладать способностью «выложиться» за секунду. Но разница в том, что мы работаем в скафандрах. И вот в этих, далеко не простых, условиях пилоту космического корабля нужна реакция вратаря или теннисиста, выносливость боксера, собранность и расчет акробата.

Наши хлопцы любят спорт. Герман — отличный гимнаст, велогонщик, хоккеист. Паша хорошо работает со штангой, Юра — баскетболист, Андрюшин дублер — непременный азартный участник всех спортивных игр. Спортивный зал и летние открытые площадки у нас не пустуют. Здесь шум и гам всегда. Бывает и такое: встречается кто-либо

из ребят с трудностями в овладении тем или иным снарядом, тогда он будет часами тренироваться, но своего добьется. Любят ребята и наблюдать за интересными состязаниями. Космонавты — заядлые болельщики. Когда играют футболисты киевского «Динамо», Пашу от телевизора не оторвешь.

Естественно, что каждый спортсмен любит свой вид спорта.

Поэтому-то теннисисты рекомендуют нам теннис для отработки реакции, но им возражают альпинисты. И в их утверждениях есть логика. Альпинизм воспитывает мужество, глазомер, высокую точность координации движений, развитое чувство равновесия. Кроме того, альпинисты совершают покорение высот, довольствуются небольшим количество кислорода в разреженной атмосфере и не теряют при этом работоспособности. Все это тоже важно для космонавтов.

Этот вид спорта, как и полеты на сверхзвуковых самолетах, требует постоянного сохранения критической оценки своих действий, умения длительно выдерживать значительные физические и нервно-психические напряжения. Однако наша космическая профессия настолько еще молода, что пока довольно трудно определить все «от» и «до», которым должен удовлетворять космонавт.

Подготовка к космическому полету и спорт, причем самый разнообразный, неотделимы. Но есть одно важное обстоятельство, которое, я бы сказал, их разделяет.

Важно не просто спортивное достижение — прыжок в космос, а решение научных задач, познание закономерностей космического простран-

ства, которое позволит подготовить большие путешествия во Вселенную.

Каждый, кто хочет стать космонавтом, сесть в кабину корабля и полететь к звездам, должен обладать и хорошей физической подготовкой, и устойчивой психикой, и знаниями целого ряда дисциплин, техники авиации и т. д. Этот перечень можно было бы продолжить. В космонавтике, как и во всем, человек проверяется на деле. Сначала нужно доказать, что ты способен выполнить сложное задание в космосе. Ведь там в черной высоте — не на земле. В случае чего не свернешь в сторону, не остановишься на обочине дороги. Поэтому-то у нас и утвердился принцип: «Тяжело в ученье — легко в полете». Если говорить образно, отбор кандидатов можно сравнить с прохождением через множество дверей. За первой — широкой, в которую могут войти десятки и даже сотни людей, находятся другие двери. И с каждым шагом они становятся все более узкими. Вот почему далеко не каждый может пройти через них. Короче говоря, космонавт — летчик, ученый, спортсмен.

Правильно говорят, что на космическую дорогу нельзя выйти налегке. На нее ступают с ясным сознанием и открытыми глазами. Иными словами, при полной видимости и с полной нагрузкой. Нынешние полеты, а тем более будущие, — это не прогулка по утопающему в зелени бульвару. Ведь в космос посылают не пассажира, не туриста, а человека активного и волевого, в совершенстве владеющего собой и техникой.

После полета кое-кто спрашивал наших космонавтов:

— Вы, как нам казалось, весело отвечали из космоса... С улыбкой. Видимо, нетрудным был полет.

Нет, полет был нелегким. А что касается веселья, то скажу одно: космонавт должен и в трудную минуту улыбаться. Его никогда не покинет оптимизм.

24 мая

Вчера у наших телевизоров собралось много народа. Смотрели трансляцию митинга советско-кубинской дружбы из Лужников. Слушали Н. С. Хрущева и Фиделя Кастро. Все наши ребята в восторге от вождя и национального героя кубинского народа. Вот человек!

Юра и Паша встречались с ним на Кубе. Я помню, их рассказам не было конца. А мы все спрашивали и спрашивали: как, что, где и почему? Вот интересная деталь. В характеристике, полученной Фиделем Кастро, по окончании колледжа, говорилось, что он «...заполнит не одну золотую страницу в книге своей жизни. В нем заложен благодатный материал, а ваятель найдется». И ваятель действительно нашелся — им стал народ. Фидель связал свою жизнь с кубинским народом и отдает все силы, разум и энергию делу борьбы за его счастье.

Сегодня в газетах опубликован Указ о присвоении Фиделю звания Героя Советского Союза. Наша «звездная четверка» лично поздравляла и приветствовала посланца свободной Кубы на приеме в Кремле. Мне бы тоже очень хотелось пожать руку этому мужественному человеку, который сказал:

«Я марксист-ленинец и буду марксистом-ленинцем до последнего дня моей жизни». Не только кубинцы, но и вся наша планета может гордиться, что на ней живет такой человек. И он, конечно, достоин столь высокой награды. Орден с изображением великого Ленина на его груди будет не только символом заслуг в организации победоносной борьбы за свободу и независимость героического кубинского народа, но и заслуг в деле укрепления мира и братской дружбы между нашими народами.

25 мая

Сегодня необычный день. Утром у подъезда учебного корпуса собрались коммунисты — наши ребята, командиры, преподаватели, врачи. У всех приподнятое, торжественное настроение. Мы пришли на партийное собрание — традиционное собрание наших коммунистов перед отъездом на старт.

Такое собрание было накануне полета Юрия Гагарина, собирались мы и перед другими стартами, когда провожали на космодром Германа, Андрияна и Павла. И вот снова...

В небольшом зале расположились те, кто отобран кандидатами для полета и те, кто их готовил к этому рейсу.

Первым выступил Юра. Он, как командир, доложил о готовности экипажа к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тому, кто отправится в очередной рейс к звездам.

А затем Андриан и Герман, Павел Попович, наш командир — боевой и прославленный генерал,

врачи, преподаватели еще раз дали советы, желали благополучия и успеха. Каждый из них говорил о своем, но все выступления объединяло одно — твердая уверенность в том, что и это новое задание партии и правительства будет выполнено с честью.

Потом выступил наш очередник — Космонавт-Пять. Хорошо он сказал. Молодец, Валерий!

Говорил он спокойно, убежденно и ни у кого из нас не было ни малейшего сомнения, что он хорошо справится с заданием.

— Так уж повелось, — сказал Валерий, — что, отправляясь на задание, мы даем клятву верности, долга, клятву сердца. В космосе побывали четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я — комсомолец. Ленинский комсомол — подручный партии. И если мне доверят совершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту...

Потом он помолчал немного и тихо добавил:

— Как подобает коммунисту.

За ним к трибуне подошла наша Валя — первая девушка, которая полетит в далекий и суровый космос. Просто и очень здорово сказала она о своих чувствах и мыслях.

Счастливого вам полета, ребята. Мы с нетерпением будем ждать вас на родной земле!

18 июня

Кажется, еще вчера мы были все вместе. Сегодня между нами сотни и тысячи километров... Одни в Москве, другие—на космодроме, третьи—в кос-

мосе. Трудно подобрать слова, чтобы хоть в какой-то степени передать чувства, охватившие нас в эти дни. Ведь такого еще никогда не было. На пятые сутки «пошел» Валерка. Тот самый, которого в своих записках я называл просто дублером. Теперь он командир «Востока-5».

Валера вышел на орбиту 14 июня. Я слышал его голос перед стартом, слышал его первые доклады из космоса и, скажу откровенно: волновался я за него. И не потому, что были какие-то сомнения в успехе запуска, а так уж устроен человек, что он не может быть равнодушным, когда свершается такое.

Валерий Быковский — «Ястреб». Этот позывной ему дали перед полетом. «Орел», «Кедр», «Сокол», «Беркут» и вот теперь — «Ястреб».

Я не мог сдержать улыбки, когда в динамиках звучало:

— Я—«Ястреб», я—«Ястреб». Машина работает отлично, на борту порядок. Вижу Землю.

Валерка не забыл о нас, о тех, кто остался на земле и чьи полеты состоятся в будущем. Он передал нам привет из космоса.

Помню его улыбку и жесты, когда шел сеанс телесвязи. На экране сначала мелькали белые пятна, затем, словно сквозь туманность, стали проясняться контуры кабины и лицо Валерия. Он сосредоточен, а глаза устремлены на нас, губы шевелятся — говорит. Это очередное донесение на Землю.

Так и хотелось крикнуть ему:

— Молодец, Валерка! Так держать!

Рано утром 16 июня мы приехали с Пашей на пункт управления полетом. Вскоре позвонили

с космодрома: Андриян просил Пашу. Разговор был коротким:

— «Сокол»! Как у вас дела?

— «Чайка» в кабине, — не спеша произнес Андрей.

Ему хорошо: он там в курсе всех событий, все видит и знает. А каково нам. Мы ни на минуту не отходили от микрофона, жадно ловили каждое новое сообщение. Паша успокаивал всех: «Ничего, ничего, все будет нормально. Ведь это наша Валя».

Ребята с космодрома нам передали, что накануне старта Валя говорила с Валерием, спрашивала, узнает ли он ее голос, и передавала привет. Валерка ответил, что ждет.

«Восток-6» стартовал в 12 часов 30 минут по московскому времени. Люди запомнят эти минуты. В космос устремилась наша, советская, русская девушка — Валя Терешкова. Разве это не здорово! Ее позывной «Чайка» звучал на весь мир.

Между «Востоками» регулярно поддерживалась радиосвязь. Валерий и Валя обменивались друг с другом информацией, передавали оперативные сведения о полете, сообщали, в каком состоянии находятся приборы и системы, обменивались новостями, полученными с Земли, или просто беседовали.

На экране телевизора было видно, как счастливо улыбалась Валя — «Чайка», как она благодарно кивала в ответ на добрые пожелания Никиты Сергеевича Хрущева.

Ребята много работали, устав за день «ложились» спать, а на завтра снова работа. И так в течение всего многодневного полета. В свободные минуты отдыхали.

— Валерик, чтобы тебе не было скучно, — сказала однажды Валя,— я тебе постараюсь спеть нашу любимую песню космонавтов.

И Валерий слушал.

Был в эти дни и такой любопытный случай. Мы долго не получали ответа с «Востока-6». С пункта управления поступило распоряжение:

— «Ястреб», «Ястреб». Я — «Заря», разбудите «Чайку», она, вероятно, спит, разбудите «Чайку».

Валерий не замедлил ответить:

— Я — «Ястреб», понял задание — разбудить «Чайку».

И вскоре мы снова услышали Валин голос:

— Я тут заснула немного не по программе, извините. В будущем исправлюсь. Чувствую себя хорошо.

Главный конструктор подбодрил девушку: «Ничего, ничего».

Пишу сейчас эти строки и думаю. Еще два советских колумба в звездном океане. На пути в космос ярким огнем зажегся зеленый свет — путь открыт. Путь открыт для всех. Космос ждет англичан и американцев, французов и немцев... Космос ждет женщин с других континентов. Но все они только повторят подвиг наших ребят, подвиг русских. Вот почему все мы сегодня гордимся и торжествуем.

Верим, что «Ястреб» и «Чайка» благополучно приземлятся на родную Землю. Мы ждем их, ждем и готовим радушную встречу.

*

Полгода назад я написал первую страничку своего дневника. Мы готовимся к новому полету. Го-

товимся всей группой. Такова традиция: за большое дело беремся сообща. Все вместе мы готовили в полет Юру, потом — Германа, затем сразу двоих — Андрияна и Павла, потом — Валеру и Валю. И теперь снова объединяем свои усилия. Полет пройдет успешно — это ясно. Неясно пока, кого назначат командирами новых космических кораблей.

В нашей группе все хорошо подготовлены. Любого пошли — выполнит задание партии и народа. И каждый из нас верит: придет день, и я обязательно полечу и не просто так, а захватив с собой в далекий космос все земное, все, чем мы жили это время. И обязательно нашу любимую песню: «Давайте-ка, ребята, споемте перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут...»

Декабрь 1962 — июнь 1963 г.

ДНЕВНИК ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА К.

Редактор Н. С. Хехловская.
Художник Н. Н. Куклес.
Художественный редактор Н. Л. Юсфина.
Технический редактор В. А. Авдеева.

Сдано в набор 20/VI-63 г.
Подписано к печати 7/VIII-63 г.
Формат бум. 70×108 1/32. Физ. печ. л. 2,5.
Усл. печ. л. 3,43. Уч.-изд. л. 2,78. Изд. инд. ПХЛ-3.
А09028. Тираж 30 000 экз. Цена 8 коп.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Фабрика высокой печати
издательства «Советская Россия».
Электросталь, ул. Школьная, 25.
Заказ № 2537

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышли в свет и поступили в продажу книги по литературоведению и критике:

Мастерство писателя. Сборник. 244 стр., цена 77 коп.
Ф. Власов. **Поэзия жизни.** 344 стр., цена 1 руб. 07 коп.
В. Сидельников. **Писатель и народ.** 264 стр., цена 69 коп.
А. Твардовский. **Слово о Пушкине.** 32 стр., цена 5 коп.
Б. Привалов. **Николай Грибачев.** 192 стр., цена 32 коп.
Н. Рыленков. **Традиции и новаторство.** 136 стр., цена 27 коп.
М. Алексеев. **Бьют родники.** 196 стр., цена 29 коп.
Литературная Россия. Сборник. 520 стр., цена 1 р. 20 коп.
В. Власенко. **Поэзия верности.** 56 стр., цена 8 коп.
И. Лобанов. **Сердце писателя.** 240 стр., цена 33 коп.
Г. Соловьев. **Ответственность перед временем.** 368 стр., цена 60 коп.
А. Мигунов. **Источник радости и вдохновения.** 105 стр., цена 15 коп.
В. Дементьев. **Поэты от земли.** 224 стр., цена 39 коп.
Н. Далада. **Степные дали.** 120 стр., цена 17 коп.

Книги продаются в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

8 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ